Все звуки стихли, когда отсечённая голова покатилась по земле, а обезглавленное тело плюхнулось набок. Клаптрап задрожал, а его глаза на лоб полезли, когда на его грудь попала разбрызгавшаяся во все стороны кровь. Овладевший им монстр ликовал и начал всасывать в своё тело осколки исчезающего на ветру образа Железного Оплота.

– Ты… поплатишься за это… – прогремел где-то со стороны разъярённый голос, и Лукреция повернула голову в его направлении. Чёрное Копьё безжизненно валялось на земле, его голова превратилась в кровавое месиво, а выпавшее из рук копьё откатывалось от тела. Когда безжизненное тело Роджера бросилось в глаза Диввельтиана, он начал буравить озверелым взглядом Лукрецию.

Она же просто улыбнулась и махнула рукой. По её приказу третий зомби бросился к Диввельтиану. После нескольких секунд лицезрения угасшей жизни, которую он оборвал, вздрагивающий Клаптрап поплёлся в том же направлении, ведомый жаждущим крови монстром.

Проследив, что оставшаяся троица вступила в жестокий бой друг с другом, заскучавшая Лукреция обошла их чуть в сторонке. В следующий миг она переместилась в комнату к Шалу и стала над его кроватью. Наклонившись к нему, она небрежно погладила его лицо, проверяя его состояние. Увы, но та раздражающая энергия всё ещё окутывала его тело, упрятывая его сознание от её навыков. Впрочем…

Тут взгляд Лукреции скользнул в сторону, и из её рта вырвался удивлённый возглас. Она взяла в руку лежащий на столике кинжал и любопытством начала рассматривать его. На нём была… весьма грубая руна, прототипом которой послужила руна, которую она подарила Аемона те года назад…?

Чем больше она разглядывала кинжал, тем ярче сияла её улыбка. Вероятно, слово «грубая» не подходит под этот случай. Просто эта руна… не могла безошибочно распознавать Эфир, который она отбирала. Такая руна очень быстро наполнит своего владельца загрязнённым Эфиром. Подобный кинжал… если и сможет оказаться полезным, то только глупцу. Благодаря доступу к Эфиру Гостхаунда подобные этому методы утратили свою эффективность, но никто не говорит, что эти методы не забавляли её…

Когда Лукреция взглянула на лежащий на другом столике кинжал и выгравированную на нём руну, она ахнула от удивления. Он… сможет извлекать «смысл»…?

С помрачневшим лицом она взяла этот кинжал, что также… был очень опасным… Она могла сказать, что никому не позволит обладать такой разрушительной способностью. Лукреция сразу поняла, что эти кинжалы были творениями Гостхаунда. Что в который раз заставило её задаться вопросом, сколькими навыками обладает этот паренёк. Он что, намеривался прооперировать каким-то образом душу Шала, чтобы он проснулся ото сна…?

После осознания этого её разум вмиг охватила вспыхнувшая ненависть к этому парню, но потом её заменило облегчение, поскольку казалось, что он всё же не пошёл на это. Такая

глупая хитрость… наверняка поломала бы все её планы…

– А… помяни черта… – пробормотала Лукреция, ощущая, как хиленькая связь, которой Гостхаунд передавал ей Эфир, начала рассеиваться и истощаться. Через эту связь она могла гораздо лучше ощутить его отчаяние и ощущаемую боль во время его сражения. Она оскалилась в скудной улыбке. Лукреция убедилась, что чаша весов начала склоняться не в его сторону, если такое творится с его Эфиром.

Но сейчас… когда она почувствовала его слабость… Лукреция направила свою волю вдоль этой связи и потянулась к его Эфиру. Сначала она ощущала его сопротивление, что было недолгим, но таким сильным, что оно остановило её продвижение. Она восхитилась его непоколебимой решимостью и его уровнем силы. Но потом его сопротивление прекратилось, и Лукреция смогла удрать от него, потянув за собой реку Эфира.

Она почувствовала, как связь между начала крепчать, и она засомневалась в своих глазах. Так… эту связь можно использовать ещё и так…? Но последующие за этим события начали происходить слишком быстро.

Тут её пронзила пугающая догадка, что ей ментальная атака на Гостхаунда повлекла за собой громадные нестабильности в Эфире. Ей понадобилась всего секунда, чтобы ощутить нахлынувшее понимание, что произошло.

– Я нашёл тебя… – завибрировал воздух с сознательным удовлетворением. Лукреция остолбенела.

Была только одна группа людей, которые были способны вызвать в ней страх такого рода. Мастера.

В то время, когда другие общепризнанные ранги не отображали величину реальной силы человека, а только показывали его качественные различия в способности управлять образами, Мастер находился совсем на ином уровне. Провести кого-то со способностями Мастера не казалось возможным.

Но что он забыл здесь…?

В гостинице прозвучал невероятный грохот, одна из стен без следа исчезла, а за ней оказался с виду вполне обычный старик. Это был ничем не примечательный старик, который на её глазах начал меняться, становясь всё более непобедимым и зловещим. Когда его взгляд перескочил с Лукреции на кровать позади неё, его выражение лица наполнилось ликованием.

Её грудь похолодела. Он пришёл сюда не ради неё. Он здесь за…

– Умри, – кратко сказал он. К величайшему отвращению Лукреции появилось Копьё

Фантома и понеслось к ним. Она сразу же узнала исхудалую челюсть Аемона. Но всё это вызвало у неё лишь первобытную и необузданную ярость. Как ему хватает наглости выдавать себя за Копья Фантома, чтобы убить собственного сына!?

– Чтобы тебе под землю провалиться, – выплюнула сквозь зубы она, и превосходящая все предыдущие порция кристально чистого Эфира начала циркулировать её телом с такой невероятной скоростью, что она только диву давалась. Её движения ускорились до немыслимого ранее порядка, когда она вытащила своё копьё и приняла защитную стойку. В обычных ситуациях Лукреция предпочитала считать себя среднеранговым Понтификом, так как она могла противостоять другим этого же уровня. Вероятно, её нападающая сила была меньше, чем у других этого уровня, но она была умнее и мудрее многих и всегда с умом выбирала своих противников.

Пускай это сражение выбрала не она, но сейчас её насыщал чистый, текущий её телом, Эфир, через что отпадала нужда беспокоиться о последствиях. Над её головой возникло множество загадочных звёзд, число которых не поддавалось подсчёту, а над звёздами кружились тысячи галактик.

Их атаки встретились и разбились друг о друга. Лукреция отшатнулась назад и выплюнула из рта свою кровь. Она сама поглотила всю мощь этой ударной волны, которая предназначалась спящему Шалу. Мужчина перед ней, Герроарк Чар, лидер Стиля Бесконечной Жары нахмурился.

– Хех, ты так сильна? Тогда не удивительно, что ты так долго мешала нам. Но если ты так отчаянно пытаешься защитить его… Ведь это правда, не так ли?

Лукреция ничего не ответила, а только свирепо потянулась за новым Эфиром. Но какое же было её удивление, когда она обнаружила, что её тело буквально не может поглотить больше Эфира… не отдавая ничего взамен. «Смысл», – мелькнула догадка в её голове, и она прищурилась. Сейчас у неё нет времени, чтобы отыскать вариант, когда она избежит этого, не усилив Гостхаунда своим «смыслом». Так что её оставалось только пойти на ва-банк и принять это.

Тут Герроарк начал говорить:

– Но твоё поведение значит лишь то, что умереть должны вы двое. Ты ведь понимаешь, всё ради чистоты нашего рода. И его ученика ожидает то же самое… вероятно, он был тем мужчиной снаружи… Полагаю, он победил одного из моих учеников, которого ты присвоила себе. Но не в этом главный вопрос, ведь так? Ха, что же это я так разговорился. Но я никогда и помыслить не мог, что сегодня мне выпадет столь удачная возможность раз и навсегда сокрушить Вечную Ведьму…

– А теперь умри ради меня, – на прощание произнёс он и прищурил свои довольные, как у объевшегося сметаной кота, глаза.

На этот раз Герроарк больше не ходил вокруг да около, а задействовал образ, и окружающий их мир превратился в пустыню, жара которой громадным весом легла на плечи Лукреции. Шал повернулся на бок в своём сне и нахмурил брови.

«Проклятье!» – застонала Лукреция в своих мыслях.

Но потом она, наконец, отыскала внутри Гостхаунда «его». Он был гладким, как шар, но сиял от силы, находясь глубоко в пространстве души Гостхаунда. Глаза Лукреции в который раз за сегодня распахнулись от удивления. Навык Души. Он был не чём-то простым, как тот же контроль над Деревней, а… это было нечто настолько могущественное, что она не могла вот так сразу вообразить себе весь его размах.

Когда жара начала усиливаться, пребывавшая в отчаянии Лукреция начала ломиться сквозь барьер, окружающий этот навык. Если она сможет преобразовать его…

И, к её удивлению, барьер исчез. Но прежде, чем ей удалось проникнуть дальше, из него что-то вышло.

****

Ксерк Таф был величайшим воином, который когда-либо рождался в его мире. В жестокой и беспощадной войне против Спригитов он всегда был на острие атаки и заполучил в свои руки Скипетр Превосходства. В скором времени он стал Императором Земных Големов и опрокинул зарвавшихся Спригитов обратно в их горы. Война подошла к концу, и его внимание обратилось на другие страны.

Дискуссия о существовании Создателя, о чём твердило Плетение, положило начало культурной революции, и всё больше и больше начинало глубоко сомневаться в существовании Создателя как такового. Поддавшись свой жадности, Ксерк использовал это в качестве повода для объявления войны Болотным Паукам, убеждённый в том, что Белые Охотники, как и прежде, придержутся нейтралитета. И было так, и начал он ещё одну кровопролитную войну за обладание Плетением и Молотом Зари.

Ксерк Таф был величайшим воином, который когда-либо рождался в его мире.

Но Болотные Пауки удивили его. Он смог захватить молот, но они предпочли предать пеплу Плетение, чем позволить ему наложить свои руки на него. Ксерк задался вопросом, что же такое было написано в нём, но сейчас у него были другие хлопоты.

Его лучший друг и превосходный генерал погиб в финальном сражении, когда он отвлёк на себя владельца молота на то время, которое было так нужно Ксерку. Когда после окончания боя он огляделся вокруг себя и увидел только остатки выживших мрачных людей, а самые сильные пали в этом сражении, то Ксерк ощутил сожаление в своей груди. Он посмотрел на две реликвии в своих руках и начал спрашивать себя, почему Создатель решил сотворить их.

Он всё спрашивал и спрашивал себя, стоила ли жизнь его лучшего друга этих вещей.

Он всё спрашивал и спрашивал себя, действительно существует Создатель или же нет.

В глубоком отчаянии он попросил помощи у Белых Охотников… и они согласились. И вот перед собранием представителей всех рас Ксерк потребовал мира… и в обмен на это предложил свою жизнь. Он положил себя на погребальный костёр, держа в руках эти реликвии. Он должен был стать живым примером того, почему погоня за силой не несёт в себе и капли здравого смысла.

Он лелеял надежду показать другим расам, что теперь совсем не нужно мстить выжившим Земным Големам. Ведь хоть Ксерк Таф был лучшим воином, который когда-либо рождался в его мире, он не смог защитить своих людей. Это был его несмываемый позор.

Но вместо того, чтобы отдать свою жизнь на смертном костре, Ксерк моргнул и обнаружил, что он находится в комнате, а к нему спиной стоит старейшее существо, которое создаёт сокрушительную ауру жара. А позади него на коленях стоит женщина, а на кровати позади них было ещё одно из этих странных и таких нежных существ. Они в какой-то мере напомнили ему Сприггитов, но эти существа были куда выше, у них были длинные руки, ноги и туловище в целом.

– Ты… Ксерк? – спросил такой бесконечно мягкий голос, что грудь Ксерка наполнилась необычным узнаванием.

К своему величайшему удивлению, Ксерк пустил слезу, эту смесь воды и серы, и прошептал:

– А ты… Создатель.

Ксерк не получил ответа.

http://tl.rulate.ru/book/6561/677028